

Из заявки на участие в конкурсе грантов

В Нижнем Новгороде проживают более 15 000 детей, родители которых не в состоянии обеспечить их потребности, из них более 8000—балансируют на грани изъятия в детские дома из семьи. Основной причиной попадания семьи в группу риска является: педагогическая и социальная некомпетентность родителей, неполная семья (матери-одиночки), многодетная семья (часто в сочетании с неполной), малоимущие семьи, которые не в состоянии обеспечить детям минимальный комфортный уровень проживания, семьи с жестоким обращением с детьми, семьи с зависимостями (алкогольная, наркотическая). Дети в таких семьях отстают от сверстников по уровню физического, интеллектуального развития, не имеют полной положительной модели семьи, не в состоянии полностью использовать возможности того социального окружения, в котором проживают (обратиться за помощью, например), проживают в некомфортных условиях, переходят в разряд трудных подростков по мере взросления. При этом оказание помощи детям отдельно от родителей невозможно. Оказание помощи семьям группы риска—это помощь и взрослым, и детям, это возможность остановить приток детей в детские дома.

Поможем детям расти в семье!

Наталья Елисеева,
исполнительный директор Нижегородской региональной
общественной организации «Детский проект»

**Рождается ребенок...
Чудо новой жизни, бутон,
из которого может распу-
ститься прекрасный цве-
ток—веселая ромашка,
изящная лилия, стройный
тюльпан. Это если их ра-
стить. Поливать, кормить,
любить, разговаривать
с ними, давать им тепло
солнечного света и вете-
рок, защищать, пока не
окрепнет стебель.**

А можно по-другому. Нежданный, ненужный, надоедливый росток за-крыть слоем асфальтовой ненависти,

окрыть стеной равнодушия и пренебрежения, дать понять, что он мешает, он—незванный гость, которому нет места рядом.

Вырастет? Да вырастет... Что ж ему делать, раз родился. Только перекрутится стебель, размочалются листья, да и цветка самого не будет—не до роскоши, когда выживать приходится. И он даст отростки! Во все стороны расплзутся цепкие, живучие усики, будут жадно искать солнечный свет и воду, душить рядом стоящие растения, размножаться. Не до жалости, не до сочувствия—нужно выжить! Любой ценой, а проще всего—за счет другого человека. И растет, и ширится: социальное сиротство, подростковая (а там и взрослая) преступность, хилое, больное, асоциальное поколение. Они не умеют работать, тем более—получать удовольствие от работы, не могут построить семью, их удел—случайные

связи, от которых все также рождаются нежеланные дети. Они не знают, что это такое—пойти на экскурсию в музей, храм, съездить отдохнуть на дачу или прокатиться на лошади, не умеют любить, не умеют принимать любовь.

Эти семьи гнездятся по 8–10–12 (без преувеличений!) человек в крохотных двушках, а то и в комнате общежития, им привычны полчища тараканов, ободранные стены, обрывки линолеума на полу, завалы затхлой одежды по углам. Дети в таких семьях низкорослые, не получают достаточного и сбалансированного питания. Привычность современной техники ограничивается бормочущим телевизором, который не выключается с утра до вечера. Нет компьютера, нет доступа к интернету, нет стиральной машинки, пылесоса, не говоря уж о кухонных машинах.

У них огромные долги по квартплате, перед всеми соседями, а уж кредиты! С тех пор, как появилась возможность взять кредит по паспорту, в семьях колоссальные задолженности, так как проценты по этим кредитам превышают все разумные пределы.

Зачем они берут кредит, если нечем отдавать? А зачем нужен глоток воздуха, когда тонешь?

Эти семьи—иждивенцы. Они ничего не производят, если не считать детей, из которых, по тому же стандарту, выходят такие же паразиты общества. Повышается ли демография? Да! Но общий уровень общества стремительно катится в пропасть. Ведь благополучные семьи рожают на свет одного-двух, редко—трех детей, тогда как в семьях группы риска может родиться от четырех до двенадцати. А ведь в этом обществе—жить нам и нашим детям.

И что же это за монстры такие—семья группы риска? Воображение рисует спившихся, потерявших всякий человеческий облик, бомжей и алкоголиков, наркоманов, готовых убить за дозу. Преступники всех мастей, которым тюрьма—дом родимый. Отобратить у них детей, срочно! И раздать хорошим родителям.

Правильно ли это? Давайте подумаем.

Прежде чем ребенка отбирают из семьи, семья должна попасть в поле зрения органов опеки, полиции или комиссии по делам несовершеннолетних. Значит, должен поступить сигнал.

Сигнал поступает тогда, когда неблагополучие зашло так далеко, что вышло за пределы семейного очага.

Итак, сигнал поступает от родителей, педиатров, педагогов или воспитателей детских садов. Выходит комиссия. Семью наблюдают. Советуют, куда сходить, где получить пособия или материальную помощь, ругают, вызывают на заседания. Потом грозят отобрать детей. Потом, когда становится понятно, что ситуация угрожает жизни и здоровью ребенка, собирается материал на лишение родительских прав. Материал поступает в суд, вызывается мамаша—и предъявляет справку, что она устроилась на работу. Суд постановляет—прав не лишать, наблюдать. Эти круги могут длиться несколько лет. Все это время ребенок растет в атмосфере грязи, скученности, пренебрежения, недоедания.

Но вот—терпение лопнуло. Лишение прав. Ребенка забирают—куда? В больницу. Потому что его нужно обследовать. Или в приют, социально-реабилитационный центр. Через какое-то время (от полугода до года) его переводят в детский дом или интернат. Помните образ искалеченного растения в начале статьи? Психику ребенка (а иногда и тело) несколько лет калечили дома, отрыв от семьи и матери поселяет в нем страх, сравнить который можно только со страхом смерти. И вот такой искалеченный росток берут приемные родители. Для ребенка это еще один сильнейший стресс—нужно снова приспособиваться к новым людям, новым условиям. Требуется огромные усилия, со стороны приемных родителей, психологов, педагогов, специалистов, чтобы сделать из искалеченной личности нормального ребенка.

А если ребенок старше 7 лет, шансы на его усыновление стремительно уменьшаются.

Самые тяжелые семьи—это семьи, создаваемые выпускниками детских домов. Их практически нельзя исправить, можно только поддерживать. Между тем—только вдумайтесь!—содержание одного ребенка в детском доме обходится в среднем в 400 000 рублей в год. Умножаем на 5–10 лет... И выходят подростки, в которых сильна, крепка позиция иждивенца: я сирота, мне все должны! Подростки с раненной душой, без

тылов и поддержки, а возвращаются они часто в тот же дом, откуда их взяли 10 лет назад...

Безусловно, бывают случаи, когда без изъятия детей из семьи не обойтись. Те самые окончательно опустившиеся алкоголики и наркоманы. Но практика показывает, что 80% семей группы риска к ним не относятся. Между тем в этих семьях живут каждый день дети, условия жизни которых не дотягивают до общепринятой нормы. И которые привыкают, что грязь, теснота, недоедание, отсутствие любви, принятия и теплоты между членами семьи—это нормально.

Итак, кто же эти семьи группы риска? Малоимущие, многодетные семьи, семьи с одним родителем (скорее всего мамой), семьи, где родители не знают, как воспитывать детей, когда они подрастают. Пока маленькие— все понятно, накормить, одеть, спать уложить. Но что делать потом, когда из ребенка проклевывается личность? Это семьи, где родители не умеют любить и развивать детей, потому что их самих не любили и не развивали. И конечно, семьи выпускников детских домов—целый комплекс проблем.

Наша организация изначально занималась развивающими занятиями для детей в детских домах. Долго, несколько лет, пока первые наши детки не выпустились, и мы увидели, что с ними становится потом. Сейчас приоритетной деятельностью «Детского проекта» стала поддержка семей группы риска. Чтобы эти дети никогда не попадали в детский дом.

История успеха, одна из многих

У многодетной матери (4 малолетних детей) на протяжении нескольких лет дети воспитывались в социально-реабилитационном центре. Забирала она их домой на выходные, да и то не всегда. Сожитель постоянно выпивал, мог проявлять агрессию к ней и к детям. Однокомнатная квартира, которая досталась по наследству от бабушки, не была оформлена, поэтому не было возможности получать пособия по месту жительства. Квартира остро нуждалась в косметическом ремонте, не хватало кроватей, дети спали на полу, котел отопления был в аварийном состоянии.

Семье была оказана помощь: в оформлении наследства, пособий, приобретены материалы для косметического ремонта, новый котел отопления, мебель. Неоднократно оказывалась помощь продуктами питания, детскими вещами.

Мать рассталась с пьющим сожителем, сама со старшими детьми сделала косметический ремонт в квартире, забрала детей из центра и теперь занимается их воспитанием. На день рождения дети подарили ей плакат, где на листе ватмана красками поставили отпечатки своих рук и надпись разноцветными буквами: *Мамочка, мы тебя любим!*

Когда мы берем семью на сопровождение, то весь комплекс проблем, о которых написано в начале, налицо. Все наши семьи уже стоят на учете, поэтому неблагополучие там зашло достаточно далеко. Опираясь на имеющуюся информацию, мы всегда проводим глубокую диагностику состояния семьи—где главная проблема? Часто это не то, что на самом виду. Например, мать просит принести ей

одежду и обувь детям, а по ходу работы выясняется, что не оформлены медицинские полисы на детей. И девочка, которую давно надо показать стоматологу, не может вылечить зубы, которые болят каждый день, каждую ночь. У матери просрочен паспорт. Почему не меняет? Теперь со штрафом, денег нет. Почему нет денег? Мать-одиночка не работает. Почему не работает? Так паспорт просрочен, не берут.

И так во всем—внешние проблемы тянут за собой глубокие корни.

После проведения диагностики мы обязательно связываемся со всеми государственными органами, которые наблюдают семью, в том числе с садиком или школой. К семье прикрепляется индивидуальный куратор—и трудно переоценить значение этого фактора в работе с семьей. Куратор поддерживает, если и поругает—необидно, а чаще усиленно хвалит, ведь в жизни этих людей позитива очень мало. Куратор сходит вместе к юристу и за пособиями, объяснит, что непонятно, поможет написать заявление, оформить документы. Куратору можно позвонить в любое время, спросить совета и помощи, а то и просто пожаловаться.

Вот так, потихонечку, помаленечку, начинается возрождение семьи. С родителей, всегда с родителей. Мы не сможем помочь ребенку, если не поможем его родителям. Мама отправляется на консультацию к психологу, психолог проводит и смешанные родительско-детские группы—учимся понимать своего ребенка, общаться с ним. Юрист распутывает сложный клубок документов по квартире. Не забываем и про материальную помощь, но ей не ограничиваемся. Да, приятно получать крупы и памперсы, но наша задача—научить жить самостоятельно.

Мы вырываем семью из серого круга будней выездами—катание на лошадях, поездки на экскурсии и в культурные центры. Разве может себе позволить мама пятерых детей вывезти всю семью в Городец, сделать глиняную свистульку в Городе мастеров, а потом долго еще обмениваться впечатлениями?

А самое главное, родители, чувствуют поддержку и понимание—то, что так нужно каждому человеку. Повышается уверенность в себе, самооценка, появляется стимул двигаться по жизни

и работать. От социального иждивенчества к социальной ответственности—вот принципы нашей работы. В среднем одна семья находится на плотном сопровождении 3 месяца, на поддерживающем—до полугода, на наблюдении—год.

В квартире, если там совсем плохо, мы помогаем сделать косметический ремонт. Чистота, завалы вещей выкидываются на помойку, и остаются только действительно нужные вещи. Дети начинают ходить в развивающие кружки, матери трудоустраиваются. Если нужно—оплачиваем лечение от алкоголизма. И мы с радостью и удовольствием наблюдаем, как в дальнейшем они учатся решать проблемы сами.

Ведь человеку, чтобы жить, нужно немного—поддержка и понимание. Любовь.

Ну а нам, чтобы успешно продолжать свою работу, необходимы ресурсы. Продукты, те же крупы, памперсы, материалы для ремонта, деньги для оплаты выездных мероприятий, кодирования от алкоголизма и труда кураторов, иногда—волонтерская помощь в переносе тяжелых вещей. В 2014 году проект по работе с семьями группы риска финансировался, в том числе, за счет выигранного гранта Общероссийского общественного фонда «Национальный благотворительный фонд». Мы благодарны сотрудникам фонда за поддержку, как в получении гранта, так и составлении отчетности.

За прошедший год мы помогли 70 семьям. Все семьи состоят на учете в управлении соцзащиты, отделах органов опеки или в комиссии по делам несовершеннолетних.

Ни один ребенок из семей-участников проекта не был помещен в государственное учреждение. И это самый главный результат. ■